

жалъ Володя. — Я вовсе не намѣренъ жить на чужой счетъ; я къ этому не привыкъ. Марья Ивановна останется при своемъ, а я при своемъ...

„Охъ ты бестія!“ — думалъ Полянский, и ему иной разъ становилось даже неловко съ глазу на глазъ съ этимъ юношей, котораго онъ зналъ чуть не съ пеленокъ, и который теперь опередилъ ихъ всѣхъ, стариковъ, своею житейской опытностью, дѣловитостью и какою-то желѣзною настойчивостью.

Иногда при этихъ разговорахъ присутствовала Марья Ивановна. Сначала она очень мило обижалась, когда Володя съ благородной гордостью говорилъ при ней о своей денежной независимости, но съ тѣхъ поръ, какъ женихъ, наединѣ, съ холодной любезностью попросилъ ее не вмѣшиваться въ его дѣла — она больше не принимала участія въ разговорахъ Володи съ Полянскимъ, и только думала, любуясь на красивое лицо жениха: — „Милый, милый!“ ... — Вообще Володя приобрѣлъ надъ нею такое вліяніе, что Марья Ивановна по временамъ стала даже его побаиваться... Такъ, она, по его желанію, перестала носить пестрые цвѣта, перестала пудриться и подводить брови съ тѣхъ поръ, какъ онъ сказалъ при ней, что терпѣть не можетъ „раскрашенныхъ женщинъ“, — однимъ словомъ, вполне подчинилась ему. Его настроеніе отражалось немедленно и на ней; стоило только Володѣ нахмурить брови или сдѣлать недовольную мину, — Марья Ивановна тотчасъ же раскисала и начинала мучиться въ душѣ: не обидѣлся ли онъ на нее? Не сдѣлала ли она ему что-нибудь непріятное? и т. д., и т. д. Но чуть только Володя улыбнется, — и Марья Ивановна просіяетъ, начнетъ шалить, какъ дѣвочка, смѣется, прыгаетъ...

Впрочемъ Володя былъ съ нею неизмѣнно любезенъ и внимателенъ. На Панику онъ ѣздилъ обязательно каждый день и каждый разъ привозилъ невѣстѣ подарки. То букетъ цвѣтовъ, то фруктовъ, то какую-нибудь женскую бездѣлушку. Для этихъ подарковъ Антонъ Кирилъчъ даже тронулъ свои сбереженія... но что такое были эти несчастные гроши въ сравненіи съ будущимъ богатствомъ его сына? Антону Кирилъчу на-яву грезились золотыя горы. Онъ многого ждалъ отъ сына, — и вотъ ожиданія его сбылись. И старикъ еще выше поднималъ свою сѣдую голову, еще нѣжнѣе посматривалъ на Володю, котораго теперь положительно боготворилъ.

— Что, старуха? — говорилъ онъ каждый вечеръ, ложась спать. — Каковъ у насъ Володька-то? Думала ли ты, старая дура, что онъ будетъ миллионеромъ?